

**Шеенков
Анатолий
Григорьевич**

На переговорах буду я, переводчик и связист

Родился я 6 июня 1939 года в городе Новосибирске в семье рабочего.

Отец был железнодорожником. Семья была большая у нас, 9 человек, из которых было семеро сестер. Все дети живы, а вот родителей нет уже в живых.

В семье я третьим был. В 1947 году пошел в школу. Школу закончил, когда электрификация железных дорог началась. Паровозы стали ликвидировать и отца перевели в город Чулым, административный центр Чулымского района Новосибирской области, что 130-ти км от Новосибирска. Там паровозное депо было. Школу я там и закончил, 10 классов.

В школе получил права на машину. Учитель у нас был офицер запаса, старший лейтенант, танкист. И вместо труда мы собирали какую-то машину типа ЗиС-5. Мы её называли - «Урал дрова», поскольку она была с деревянной кабиной. На ней на права и сдавали. Сдали экзамены, получили права.

Потом началось освоение Целины, и наша школа решила организовать колхоз, и всем классом отправиться на Целину. Вскоре все получили аттестаты. К этому времени я уже работал шофером в совхозе. Когда вызвали, я говорю, что с удовольствием поеду куда угодно.

Отправили меня на строительство Новокемеровского химического комбината, там я вплоть до призыва в армию работал шофером. В 1957 году умер мой отец, мне дали отсрочку от армии, а в 1959 году ушел всё же служить в армию.

Первый год прослужил в Омске, в войсках, а потом в Высшем общевойсковом командном училище в Омске. В 1963 году я его окончил.

После окончания училища меня направили служить командиром взвода в Группу советских войск в Германии. Попал я в 39-ю гвардейскую дивизию, которая была сформирована в годы войны на базе нашего Омского училища.

Прослужил я 6 лет, и уже в должности командира роты я поступил в Военную академию имени Фрунзе. В 1972 году я окончил академию и был направлен служить в город Абакан начальником штаба мотострелкового полка. Там я прослужил чуть-чуть более двух лет. Назначили меня командиром мотострелкового полка в Тувинскую автономную республику, в город Чадан. Там, за Саянами, я прослужил два с половиной года начальником штаба дивизии, затем был направлен в Новосибирск в 85-ю мотострелковую дивизию.

В 1978 году, когда свершилась Саурская революция в Афганистане, 15 мая 17 человек в качестве советников прибыли в Кабул. В их числе был и я. Так я стал советником командира 7-й пехотной афганской дивизии, которая дислоцировалась под Кабулом.

Служил. Куда направляли - туда и ехал. Приказ не обсуждается, а исполняется, вот и исполняли. Никто тогда не знал что Афганистан такой.

Стали изучать карту, посмотрели - судоходная река Кабул, горная местность. Когда приехали, увидели, что там воды почти нет, только ручеек течет, в котором белье стирают.

Через полгода и семьи приехали к нам, тогда там еще не было сложной ситуации. Началось всё в 1979 году. Начались перевороты, начались нападения, «духи» начали возникать везде, нападать на правительственные войска, тогда начали защищать, кого-то перевозить, а раньше нормальная обстановка была, было тихо и мирно.

Войска ввели в декабре 1979 года. Самая главная задача была, чтобы афганские войска не выступили против советских войск, которые вводились на территорию.

Я уехал после ввода войск и был назначен командиром дивизии в город Волгоград. Оттуда я опять попал в 39-ю дивизию, где прослужил четыре года и уехал учиться в Академию генерального штаба.

Два года учился в Академии, после чего был назначен первым заместителем командующего армией в Прикарпатский военный округ, на Украину, в 13-ю общевойсковую армию. Год я там побыл, участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

В нашей дивизии было 24 советника. У меня из «подсоветных» афганских офицеров были - командир дивизии и начальник штаба афганской дивизии. В качестве советника я проводил обучение, выдавал рекомендации и воевал, ездил и планировал всю военную деятельность как структуру.

Вначале все планоно было хорошо. Там капитан был командиром дивизии. У нас советники были в каждом полку, советник командира и начальника штаба полка, по технической линии, по артиллерии, по связи, по политработе были даже, переводчики были. На последнем этапе у нас свои средства управления были, кадровые военные были наши.

Там же кроме афганского телефона ничего не было. Вот эти функции и выполняли мы. За время моего двух с половиной летнего пребывания у меня сменилось пять советников. Потому что там перевороты были. Когда пришел к власти другой правитель он своих назначил, потом, после ввода войск, Бабрак Кармаль своих из подполья вытащил. Вот последний - был уже генералом армии. У них тоже не плохие люди, двое по-русски разговаривали, учились у нас в наших военных учебных заведениях. Остальные работали через переводчика. Переводчики были таджики и азербайджанцы.

Рота была у меня - 10 БМТ на ходу, управляемые все, с десантом, никаких проблем. Где какая заварушка - сразу реагировали. Подвиги совершали бойцы, их не счесть сколько было. И по доставке военных грузов на простых КАМАЗах, в том числе. Это уже потом стали бронированные кабины делать. Попадали и в засады, и горели, и гибли.

В 1987 году в декабре меня назначали первым заместителем командующего 40-й армией. Я сразу попал на операцию «Магистраль», за подготовку и проведения которой командующий Громов получил звание Героя. Освобождали дорогу от Гардеза до Хосты. Боевые действия были ожесточёнными, конечно. Там и пакистанские регулярные

части были, были задействованы и «духи», и французы действовали хорошо.

Мощную операцию мы провели под Кандагаром. Там недалеко была наша ГЭС, которую советские специалисты строили и обслуживали. Освобождали от боевиков всю линию электропередач для снабжения Кандагара. Они взорвали мачты и опоры линии электропередач. Восстанавливали. Из Советского Союза с сопровождением доставляли мачты в Кандагар транспортными самолетами Ил-76.

Там у нас бригада спецназа была – выслеживала и уничтожала караваны, которые через пустыню шли из Пакистана с оружием и боеприпасами.

Потери были, конечно, война есть война, хотя и небольшие, но жизнь людей ведь количеством не определяется. Тяжело говорить много или мало – одного человека достаточно.

Самый тяжелый период – вывод войск. Первые выводы войск нормальные были у нас. Вывели без всяких потерь, хотя пришлось пару раз возвращаться.

В одном городе оставляли советников, сделали им бетонное укрытие, средства связи оставили. Уже полпути прошли, дают команду вернуться. Ночью вернулись, забрали их и опять ушли.

А вот когда выводили из Файзабада, это северо-восток, мы просили Генштаб, чтобы вывод сделали пораньше. Но Генштаб эту просьбу реализовать не мог, поскольку дело было связано с ООН. Наблюдатели были, «белые каски», следили за выводом, за тем, что оставляем мы, что не оставляем.

Как раз началось таяние ледников, вода везде поднялась. Дорог и без этого нормальных не было, так и их еще повзрывали. Пришлось новые делать, взрывать скалы и насыпать дорогу.

Некоторые дороги заминированы были, из-за чего мы потеряли человек двенадцать. Два подполковника погибли, один майор, два лейтенанта.

Но самый трудный это, конечно, был Саланг. Связано это было с тем, что в декабре 1988 года, когда мы почти уже все вывели, остались части – в Кабуле, в Баграме, на Саланге и за Салангом.

Зима снежная очень была. Все заносит. Нас спасло то что, я сибиряк и знаю как со снегом бороться по опыту службы в

Сибири. Запросил сразу аэродромные шнековые машины. Таких нам пять машин прислали на базе «Уралов». Вот ими только и расчищали. Расчистишь, прошла колонна одна, а потом занесло снегом где-то под три метра толщиной.

Приезжал Шеварднадзе и привез четыре варианта того, как оставить войска в Афганистане, вместо того чтобы выводить. И все начали бунтовать, просто не исполнять стали, потому что некем вводить снова, когда все уже передали. И никакого смысла нет, и обязательства были вывести войска. В конце декабря он улетел, прилетел министр обороны Язов и сошлись на том, чтобы если не оставлять войска, то провести боевые действия с бандами Ахмад Шаха.

Мы не воевали, договаривались всякими способами. Ахмад Шах поставил цель, чтобы ему Саланг передали, а Наджибулла не соглашался. Он согласился на то, чтобы провести боевые действия, убрать войска Ахмад Шаха и поставить афганские заставы. Долго очень собирали людей, разбегались афганцы, пока мы все передавали. Я там руководителем боевых действий был.

Начали бомбить, начались переговоры. Договорился уже с его замами, чтобы идти к Ахмад Шаху. Договорились о том, что на переговорах буду я, переводчик и связист. Три человека. В девять утра должны были зайти в траншею, там наша застава стояла у входа. Доложили Министру обороны, а он запретил: «Возьмут в заложники, потом будут спекулировать». Я не пошел. Отставили переговоры - вот это трудность была.

Решили создать трехмесячные запасы продовольствия, техники, боеприпасов, горячего и прочих материалов для афганцев. И вот, вместо того чтобы выводить, пошли встречные колонны. Танки, самоходки, колонны автомобильной техники со всеми запасами. Часть передали того, что оставалось здесь.

Мы создали восемь боекомплектов ко всем видам оружия на Саланге, в каждой заставе. Выставляли и отдавали все, что там оставалось. Передавали и уходили.

Там мы испытали самоходную установку «Буратино». На базе танка, несколько пакетов стволов, стволы с зажигательными боеприпасами и с избыточным давлением. Испытали мы её в горах по «духам». Начали, когда у них первый намаз, в 5 утра. Мы знали, где и кто спит в

глинобитных этих домиков, где бандиты рядовые, где главари. Определили кто и куда бьет - и вклепили, а потом пошли. Потери у нас были - 8 человек. Майор с десантной дивизии погиб. Последний погибший прибыл на последнем танковом тягаче. Случайная пуля, наверно, - он на трансмиссии сидел, сзади.

Еще были потери. Командир вертолетного полка погиб. Мы подсвечивали горы, но так и не нашли его. Снега тогда было много, если он врезался, то провалился в снег. Воздушная разведка ничего не нашла. Погиб полковник.

Перед окончательным выводом мы вытащили из афганского плена прапорщика и солдата в обмен на оружие и деньги. Обменяли.

Из тюрьмы вызволили. Я летал туда, привез «духов». Пару отдаем, а они нам одного, потом еще. Поменяли всех, ночью меняли, днем не выходят, боятся, не доверяют.

Еще один эпизод был в середине 1988 года, когда мы выводили из Газни и Гардезе. В Газни стоял отдельный полк, мотострелковый, а в Гардезе стояла парашютно-десантная штурмовая бригада. Наши советники выводили из-под Кандагара, через полупустынную зону афганские части и попали в крупную засаду. Погибли четыре человека наших. Дали команду вытащить их живыми или мертвыми.

Прислали нам вертолетный полк, сорок вертолетов. Мы десант собрали, что было там, 250 или 300 человек и полетели. Двумя рейсами вывезли туда десант, там договорились, собрали местных жителей и вывели, где завтра начинают.

Создали мы три кольца окружения зоны, где наши погибли, и на следующий день пошли. Получилось так: бронетранспортер стоит, сгоревший, солдат-водитель сгорел в нем, за рулем. У побежавшего от бронетранспортера пуля крупная в спине, убили. Полковник раненый был, его раненого везли. Он потом в БТР умер. Над всеми «духи» надругались - всех порезали и подожгли. Мы всех забрали и опознали. Двенадцать пленных взяли.

Еще один эпизод. В северной части Саланга стояла у нас трубопроводная бригада. Проложены были две нитки трубопровода, по которым качали мы керосин для самолетов до Баграма, стояли перекачивающиеся станции. Все нужно объезжать и контролировать, потому что поджигали и

простреливали трубы, а керосин «духи» забирали, да и местные жители.

Переписка

Письма отправляли. Я-то мало писал, потому что я был на боевых действиях. У нас была договоренность, космическая связь была, я звонил в свой штаб армии в Ровно, оперативному дежурному, а он там по городскому телефону приглашал жену. Жена приходила, и я с ней по закрытому каналу связи иногда разговаривал. Не запрещалось.

Мои заслуги перед Родиной отмечены наградами - два ордена Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, орден Мужества, орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, четыре афганских ордена.

Когда вывели войска, меня назначили командующим 13-й армией с дислокацией в Ровно. Потом меня в Москву перевели, в Главное управление кадров Министерства обороны СССР.

В 1993 году в звании генерал-лейтенанта ушел в отставку по болезни.

После выхода в отставку меня пригласили в профсоюз военнослужащих. В 1999 году создавался Институт уполномоченных по правам человека, меня туда пригласили. Там я был начальником отдела по правам военнослужащих и членов их семьи. Когда мне исполнилось 65 лет, я обратился к Громову и меня взяли в областной Мостехнадзор, где работаю главным экспертом.

На данный момент состою в российском профсоюзе военнослужащих. В свое время в КПСС был.

У меня есть дочь и сын, внучка и внук.

15 февраля считается днем вывода советских войск из Афганистана. Этот день мы традиционно начинаем с возложения венков в Александровском саду к могиле Неизвестного солдата и памятнику Жукову. Потом отправляемся в Перово, где стоит первый памятник и музей афганцев, посещаем Новодевичье кладбище, где похоронен генерал армии Дубинин.

Разбросала судьба многих, кого-то уже нет в живых. Я сейчас понимать стал, что когда ветераны встречаются, то

возвращаются в ту жизнь молодую, в те годы, а их воспоминания дают импульс положительным эмоциям.

Декабрь 2011 года